

**ГЕОГРАФИЯ И ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА: ГРАНИЦЫ
ВЗАИМОПРОНИКНОВЕНИЯ****Ф. Н. Мильков***Воронежский государственный университет*

География и художественная литература – тема не новая. Но, считать, что над ней расставлены все точки над «и» нет оснований. Сближает географию и художественную литературу, ведет их к взаимопроникновению, пейзаж. География и художественная литература одинаково заняты поисками путей, чтобы наиболее полно донести до читателя образ места.

Пейзаж и ландшафт некоторые географы считают синонимами. Понятия эти, действительно, близки, но неравнозначны. Они отражают одну и ту же местность, увиденную, в первом случае, глазами художника слова, во втором – глазами географа. Пейзаж – географический ландшафт, передаваемый читателю мастером художественной прозы. Эта мысль, на страницах журнала¹, развивалась ранее Ю.Г. Саушкиным, в его коротком эссе о М.М. Пришвине², и не только им. Совмещение того и другого взгляда образует новый сплав – *художественное ландшафтоведение*³.

Непревзойденные образцы художественного ландшафтоведения оставили С.Т. Аксаков, К.Г. Паустовский, А.Н. Краснов.

Выход в свет «Записок ружейного охотника Оренбургской губернии» С.Т. Аксакова. И.С. Тургенев в «Современнике» (апр., 1852) встретил следующими словами: «...всякий, кто только любит природу, во всем ее разнообразии, во всей ее красоте и силе, всякий, кому дорого проявления жизни всеобщей, среди которой сам человек стоит, как звено живое, высшее, но тесно связанное с други-

ми звеньями, – не оторвется от сочинения г. А-ва: оно станет его настольной книгой, он будет ее с наслаждением читать и перечитывать; естествоиспытатель придет от нее в восторг». В последнем И.С. Тургенев не преувеличивал. Прошло уже полтора столетия, а природоведы Оренбуржья и сейчас к «Запискам...» С.Т. Аксакова обращаются не реже, чем к трудам своего Оренбургского Ломоносова – П.И. Рычкова. В «Записках ружейного охотника» С.Т. Аксакова встает живая природа естественных ландшафтов Оренбуржья, вскоре исчезнувшая под влиянием распашки и пастбищных перенагрузок. Всем любителям природы хорошо знаком афоризм: «Все хорошо в природе, но вода – красота всей природы», но не все помнят, что это вступительные слова к главе о водах из книги С.Т. Аксакова.

У К.Г. Паустовского есть одна, возможно, единственная в художественной литературе, повесть, где литературным героем на протяжении трех печатных листов выступает пейзаж. Это «Мещорская сторона», канву которой составляет смена одного пейзажа на другой – лугового – лесным, лесного – болотным, болотного – озерным и речным. Бесхитростное пейзажное повествование, лишённое намека на интригующий сюжет, миллионам читателей сделало близкой Мещеру, даже тем, кто о существовании ее впервые узнал.

А.Н. Краснову – фигуре в отечественной географии, стоящей рядом с В.В. Докучаевым, – принадлежит изумительная по образности, редкая по наблюдательности и отбору фактов бессюжетная географическая повесть «Под тропиками». Ее герои – ландшафты – пейзажи Явы, Малакки, Цейлона. Опубликованная в 4-х «Книжках недели» за 1894 г., она в послевоенные годы дважды переиздавалась в Географгизе и «Мысли», отрывки из нее вошли в хрестоматию для учителей, цитируются в научных изданиях.

© Мильков Ф. Н., 2006

¹ Рукопись к печати подготовлена В.И. Федотовым. Фрагменты практически законченной рукописи Ф.Н. Мильков читал ему за полтора суток до кончины. Он готовил ее к публикации в журнале «География в школе».

² Ю.Г. Саушкин. Писатель-географ М.М. Пришвин // География в школе. 1948. № 1. С. 38-40.

³ Ф.Н. Мильков. Художественное ландшафтоведение // Новый мир. 1970. № 3. С. 272-275.

Классиков художественного ландшафтоведения отличает максимализм в любви к природе. А.Н. Краснов по окончании Петербургского университета писал (1 июня 1888 г.) В.И. Вернадскому, другу детства: «Право не откладывая в долгий ящик своих тропиков. Поверь, не полна жизнь того человека, который не видел этого чудного мира»⁴. К.Г. Паустовский: «Писатель, который не любит, не знает, не понимает природы, для меня не полноценный писатель»⁵.

В трактовке образа места как метода выражения пейзажа и у географов, и у писателей нет расхождений. Взгляд географа, изложенный Н.Н. Михайловым⁶, не отличается от того, что говорил К.Г. Паустовский: «нужно проверять каждый образ с трех точек зрения: точности, простоты и свежести». Известное утверждение В.П. Семенова Тянь-Шанского: «Художник субъективен, географ объективен» вряд ли кто станет оспаривать, но к подлинному художественному ландшафтоведению оно не применимо. Попробуйте определить, где тут художник, а где географ в словах К.Г. Паустовского: «Мещорские леса величественны, как кафедральные соборы». Или, как, не будучи художником, выразить такими словами одну из деталей влажного тропического леса на Яве, как это сделал А.Н. Краснов: «Как громадные паникадила какого-нибудь собора висят над вашей головой, свесившись на тонких лианах или прикрепившись к стволу, как исполинские гнезда, цельнолистовые розетки папоротника *Aspidium midus avis*.

Ген пространства, заложенный в каждом человеке, если он только не Илья Обломов, для любого подлинного географа, и еще более – представителя художественного ландшафтоведения превращается в *императив пространства* (термин Н.Н. Михайлова⁷). Невозможно создать образ того, чего не видел собственными глазами. И К.Г. Паустовский и Жюль-Верн одинаково любили в кабинет разглядывать географическую карту и мысленно путешествовать по ней. Но К.Г. Паустовский после этого ехал или в Мещору или в Колхиду, Кара-Богаз и в созданные им образы веришь, а Жюль-Верн, описывая приключения своих героев в Южной Америке, Африке, Австралии, не по-

кидая уютного кабинета, почему к его описаниям ландшафтов, образам мест грамотный читатель не относится всерьез.

В круг мастеров художественного ландшафтоведения, авторов целостных произведений этого жанра, входят И.С. Тургенев, М.М. Пришвин, И.С. Соколов-Микитов и еще ряд других известных писателей. Рассказывая о полесьях Русской равнины, много лет читая студентам курс «Физической географии СССР», я всегда на заднем плане вижу картины из лирической новеллы И.С. Тургенева «Поездка в Полесье», и хотя сам не один раз наблюдал полесские болота и леса, все равно не перестаю удивляться емкости и скульптурности образов, созданных И.С. Тургеневым. Буквально живым стоит сосновый бор, в котором «как крупные капли пота, выступала и тихо ползла вниз тяжелая прозрачная смола по грубой коре деревьев».

Подлинных образов художественного ландшафтоведения не так уж много. К ним можно еще отнести, пожалуй, сюжетно отличную от предыдущих, книгу В.К. Арсеньева «В дебрях Уссурийского края». В письме к ее автору Максим Горький 24 янв. 1928 г. писал, что он читал книгу с великим наслаждением. «Не говоря о ее научной ценности, конечно, несомненной и крупной, я увлечен и очарован был ее изобразительной силой. Вам удалось объединить в себе Брема и Фенимора Купера – это, поверьте, не плохая похвала».

Круг писателей и географов в своих произведениях, приближающихся к художественному ландшафтоведению, или, что чаще всего, содержащих его фрагменты, намного больше. Мы говорим далее не о точках соприкосновения, а границах взаимопроникновения географии и художественной литературы, для определения которых в этом процессе взаимопроникновения удобнее рассмотреть по двум направлениям – литературно-художественном и географическом.

Географический элемент в художественной литературе. «Прекрасное слово «ландшафт». Оно стоит где-то в одном ряду со словами «пейзаж», «вид», может быть «панорама». Но оно гораздо шире, объемнее, так как оно как бы включает в себя, кроме мертвой природы, животный мир во главе с самим человеком, являющимся частью ландшафта, – в месте со своими домами, дорогами, мостами, садами и цветниками». Лучше сказать о предмете изучения географической науки нельзя. Но сказаны эти слова не географом. Они принадлежат выдающемуся мастеру художественной про-

⁴ В.И. Вернадский. Из прошлого // Профессор Андрей Николаевич Краснов. Харьков. 1916. с. 118.

⁵ К.Г. Паустовский. Из разных лет // Новый мир. 1970. № 4. с. 138.

⁶ Н.Н. Михайлов. Образ места // Вопр[осы] географии. Сб. 10. 1948.

⁷ Н.Н. Михайлов. Черствые именины. М. 1974. с. 117.

зы Валентину Катаеву⁸. Природа и пейзаж – в разной мере, в зависимости от жанра и индивидуальности автора – составляют основу часто не выраженную словами, но ощущаемую ходом повествования – всей художественной прозы. Не составляют исключения и «городские» романы, где фоном служат пейзажи «вторичной» природы.

«Степь» А.П. Чехова, «Лес и степь» – заключительный очерк к «Запискам охотника» И.С. Тургенева, «Русский лес» Л.М. Леонова, «Суходол» И.А. Бунина, «Тайга» В.Я. Шишкова, «Каменный пояс» [Е.А. Федорова], «Хребты Саянские» [С.В. Сартакова], «Тихий Дон» М.А. Шолохова, «Мещерская сторона» К. Паустовского, «На Иртыше» С.П. Залыгина – настоящая география России, представленная в художественных образах. Если каждый писатель это немного и географ, то авторы этих романов, повестей, рассказов – настоящие географы, хорошо знающие природу, уклад хозяйства, историю, быт и культуру народа.

В описаниях многих явлений природы географ вынужден ограничиваться ролью статиста, в то время как писатель способен передавать их как динамическую и светозвуковую сторону пейзажа. Географ может рассказать, например, о тумане как явлении погоды, сообщить, где, когда, как часто он бывает, но не передаст читателю того *ощущения* тумана, какое возникает при чтении 2-х страничного очерка «Туман» Максима Горького. Или про Азовское море географ может много рассказывать о его мелководии, молодости, подводном продолжении Дона, но все это не заменит того, что сказано о нем Паустовским: – «Азовское море шумит не так, как другие моря. Шум его тягуч, непрерывен, сонен, как таганрогские бахчи, – шум этого своеобразного моря – древнего Меотического болота, – замкнутого в оправу желтых глин и раскаленных степей». В этой связи: мысли В.П. Семенова Тян-Шанского о *географии запахов и звуков* не получили развития.

В каждом регионе есть писатели, которые не только любят, но и знают ландшафты своей Малой Родины. «Записки степняка» А.И. Эртеля – художественная география Воронежского Приблужья; в произведениях Гавриила Троепольского воспеты пойменные леса, луга и болота малых рек Воронежской земли, и его голос в защиту их от лжемелиораторов был слышен на всю страну. У курского писателя Евгения Носова есть изумительный по простоте и лиричности рассказ: «Шумит

луговая овсяница» – пора радостной сенокосной страды на лугах Десны, пора цветения трав, коротких ночей и пения птиц.

В истории отечественной литературы известны случаи, когда мастера художественной прозы выступают и в роли географа. Д.Н. Мамину-Сибиряку принадлежит географический очерк «Гора Иремель», опубликованный Д.Н. Анучиным в только что организованном им журнале «Землеведение» (1894). Е.Л. Марков автор пользовавшихся успехом в свое время романов был страстным путешественником. Его книга [«Очерки Крыма. Картины Крымской жизни, истории и природы». С-Пб., 1902 г. образец жанра литературы, который предложено нами именовать художественным ландшафтоведением].

В тесных контактах художественной литературы с географией есть один трудно объяснимый пробел, на который обратил внимание Максим Горький: «Кстати: мы очень плохо знаем карту огромной нашей страны; мы знали бы ее гораздо лучше, если бы издательства печатали на пустой странице перед титулом книги карту местности, в которой живут и действуют люди, изображаемые в книгах»⁹. Призыв Горького не дошел до издателей. Трудно представить, как обходится без Географического атласа многомиллионная масса читателей «Войны и мира» Л.Н. Толстого, встречая подробнейшие описания полей сражений с названиями множества населенных пунктов и рек, пространственные координаты которых не всегда знакомы даже специалисту географу. Особенно много теряют из-за отсутствия картосхем произведения на военно-историческую тему, скажем, такие талантливые романы Леонтия Раковского как «Генералиссимус Суворов» и «Кутузов».

Художественные образы в географической литературе. Географ без путешествий, ближних и дальних, – не состоявшийся географ. Путешествие без образного мышления – не путешествие – именно по этой причине все выдающиеся путешественники владели истинно литературным стилем. А. Гумбольдт в «Картинах природы», Ч. Дарвин, Н.М. Пржевальский. П.К. Козлов, Свен Гедин, Д. Ливингстон, Тур Хейердал и много других первопроходцев писали так, что их дневники–отчеты читаются с не меньшим увлечением, чем самая высокохудожественная проза.

Из советских географов назовем три имени, разных по направленности своей научной деятель-

⁸ Валентин Катаев. Мое родное Переделкино. – Сов. культура, 1985, 8 янв.

⁹ М. Горький. Литературные забавы // Собр. сочинений в тридцати томах. Т. 27. с. 245.

ности, но в отдельных произведениях одинаково дающих образцы *ландшафтно-пейзажного* подхода к природе.

А.А. Крубера, автор учебника «Общее землеведение», «картовед» дал географический очерк одного из горных районов Крыма, который хочется читать и перечитывать, – так легко и образно он написан¹⁰. И это при том, что очерк несет всю полноту имеющейся информации о районе, иллюстрированы фотографиями, графиками осадков, геологическими профилями, профилями балок, снабжены развернутыми резюме на иностранном языке и обширным списком литературы.

А.Н. Формозов – зоогеограф с ярко выраженной эколого-географической направленностью, литератор по стилю изложения. Уникален его, много раз переиздававшийся «Спутник следопыта», иллюстрированный множеством оригинальных рисунков автора. Незаконченная посмертно изданная книга А.Н. Формозова «Среди природы» (1978, 1985) по зоркости наблюдений и интимности общения с природой не уступает «Запискам ружейного охотника Оренбургской губернии» С.Т. Аксакова.

И.М. Забелин – ландшафтовед, историк науки, писатель-географ, автор трилогии «Африканские повести» («Листья лопуха», 1963; «Через пороги», 1968; «Лунные горы», 1969), по жанру близкой к художественному ландшафтоведению.

Многие места страноведческих работ Н.Н. Михайлова, Э.М. Мурзаева, Ю.К. Ефремова просятся на страницы хрестоматий.

Воронежским географам принадлежит опыт коллективного создания пейзажно-ландшафтного портрета своей области¹¹. В авторском коллективе из 21 человека представлены: ландшафтоведы,

гидролог, почвовед, лесовод, орнитолог, энтомолог, историк, писатель. Стояла задача – на 3-5 страницах нарисовать литературно-грамотным языком образ конкретного места – примечательного и не примечательного, урочища или комплекса урочищ. Испытание литературным стилем авторы «Воронежских далей» выдержали: редакция «Нового мира» (1977. №1, с. [283-285]) откликнулась рецензией на книгу, рекомендовав ее читателям. Ссылаются на нее и специалисты, т.к. находят в книге сведения о состоянии объекта на сегодня, а в ряде случаев – и новые факты, например, описание равнинных селей, ранее не отмечавшихся в литературе.

Образ места В.В. Покшишевский предлагает страноведам трансформировать в *образ страны*. Тут трудно что-либо возразить, если только раскрывать образ страны через совокупность множества образов конкретных мест, но обязательно на широком географическом и социальном фоне.

Вопросы методики. Методические аспекты связи географии с художественной литературой, изложенное еще Н.В. Гоголем, не нашли до сих пор должного изучения, а скорее, практического преломления. На одну из сторон этого практического преломления – использование образцов художественной прозы на уроках географии – автор обращал внимание читателей «Географии в школе» [почти] столетия назад¹².

В современных условиях, когда исчезла унификация учебников, а учителям географии дана возможность творческого самовыражения, назрела необходимость в подготовке скорее, вспомогательных, а не альтернативных к существующим, учебных пособий по географии и для школ и для студентов вузов.

¹⁰ А.А. Крубера. Географический очерк Судако-Ускупского района горного Крыма // Землеведение. 1925. Т. XXVII. Вып. 1-2. С. 63-98.

¹¹ Воронежские дали. Воронеж: Изд-во ВГУ. 1981; 2-е изд.

¹² Ф.Н. Мильковым в журнале «География в школе» за 1948 год, №1 была опубликована статья «Картины природы в художественной литературе и их значение для географии» (В.Ф.).